

Рузаевка – крупная деповская станция примерно на полпути между Москвой и Симбирском, где скрещивались три железнодорожных линии, где пассажирам, следующим из Поволжья в столицу и из центральных губерний в Поволжье, приходилось делать пересадку и зачастую ждать своих поездов три, четыре часа, а в зимние заносы и целые сутки. Предприимчивый буфетчик вокзального ресторана учёл это обстоятельство и поставил кухню ресторана на такую высоту, что она славилась на всю губернию. Любители и даже не любители поесть с удовольствием проводили томительное время вынужденного ожидания в вокзальном ресторане, наслаждаясь изысканными, всегда свежими и вкусными, закусками и блюдами. Буфетчик медленно, но верно богател.

Огромный пассажирский паровоз в клубах белого пара, словно усталый от долгого бега, радостно остановился на станции «Рузаевка». Короткий свисток, он отделился от состава и быстро, шумя тяжёлыми колёсами, побежал к станционной водокачке утолить жажду студёной рузаевской водой. Пассажиры высыпали из вагонов... Брагин встретил мисс Френч, и скоро они вошли в огромный станционный ресторан, наполовину занятый публикой. Дохнуло своеобразным ароматом вокзала. Всюду суетились какие-то озабоченные люди, носильщики в белых фартуках перетаскивали чей-то ручной багаж, официанты на блестящих «под серебро» подносах разносили на столы вкусные, раздражающие аппетит блюда. Мисс Френч и Брагин опустили у маленького стола, покрытого белой накрахмаленной скатертью. Через минуту на больных, усталых от жизни ногах к ним бесшумно подошёл седой официант. Одутловатое лицо было чисто выбрито, в петлице белой куртки серебром блестел номер один, что на языке ресторана означает – «главный».

– Добро пожаловать, – без тени лакейского раболепства приветливо произнёс старик, слегка наклонив седую голову и подавая мисс Френч карточку меню. Он перевёл взгляд на Брагина и, сочно причмокнув губами, тихо начал, – Прикажете накормить ваше благородие?... Холодной осетринки с янтарным жирком под хреном... перламутровый севрюжий балычок с лимончиком, грибов в сметане или томлёного карася?

Брагин с увлечением слушал своеобразную поэму о еде, а старый гур-

Рузаевка

«Мономах» продолжает публикацию книги Георгия Ишевского «Честь» (см. «Мономах» № 4–2006; №№ 1,2–2007; №№ 1-3–2008). В главе «Рузаевка» писатель художественно воспроизводит страницы жизни Екатерины Перси-Френч.

ман, вторично причмокнув губами, продолжал:

– Щец кислых извольте отведать... первые на губернию... Не обидьте молодого поросёночка с гречневой кашей, с корочкой хрустящей...

– Екатерина Максимилиановна! Доверимся... Как вас?

– Пал Палыч...

– Доверимся Павлу Павловичу... Он уже разжёт мой аппетит... Он нас накормит...

– Я ничего не имею против... только, Павел Павлович, предупреждаю, я очень голодна...

– Не извольте беспокоиться, сударыня, – с улыбкой ответил Пал Палыч и, скося взгляд на Брагина, спросил: – К мясу прикажете бутылочку красного подогреть?... Удельного ведомства?... Отменное вино...

Пал Палыч бесшумно удалился... Через несколько минут стол был уставлен закусками. Мисс Френч и Брагин ели с большим аппетитом, а вдали незаметным наблюдателем стоял «поэт еды» Пал Палыч. Он быстро убрал закусочные тарелки, налил в бокалы тёплого красного вина и замер в торжественном ожидании. Маленький мальчик, весь в белом, подкатил тележку, на мраморной доске которой покоилась глыба сочного варёного мяса, по верху обрамлённая слоем мягкого жира. Монументальный повар, в белом накрахмаленном колпаке, с набором острых ножей у левого бедра, приблизился к тележке. Привычным жестом, в котором чувствовалось безукоризненное знание скотской анатомии, он, словно шутя, отрезал два тонких куска мяса и изящно сбросил их на подставленные Пал Палычем тарелки мисс Френч и Брагина. Пал Палыч залил мясо

хреном со сметаной, и вся процессия с поклоном удалилась. Завтрак проходил в непринуждённых тонах. Вкусная пища, хорошее вино создали хорошее настроение, но разговор всё время вращался около уставшего от жизни Пал Палыча, излучающего какую-то теплоту и благожелательность, сохранившего достоинство человека и лишённого лакейского угодничества. Брагин высказал мысль, что вот таким людям как Пал Палыч, ему всегда как-то неудобно оставлять чаевые, в каких-то есть всё-таки что-то обидное для человека.

– Доверьте это сделать мне... Между прочим, я испытываю то же самое ощущение, но мы, женщины, в некоторых деликатных вопросах жизни много тоньше мужчин, – она знаком подозвала стоявшего вдали Пал Палыча.

– Пал Палыч, у вас есть дети? – тепло спросила она.

– Три сына... все на войне... Внуками балуюсь, сударыня, – ответил Пал Палыч, и его старческие глаза загорелись огоньком ласки.

– Девочки?

– Две девочки и мальчик... Наташа, Ирина и Павел... в честь меня назвали.

– Пал Палыч, следующий раз, когда я буду проезжать Рузаевку, мы с вами поедем к вашим внукам... Я люблю детей... а пока вы купите им от меня много, много игрушек... хорошо? – тепло сказала мисс Френч, застенчиво кладя на стол несколько пятирублёвых бумажек. Неожиданный и резкий колокольчик прорезал воздух...

Станционный швейцар торжественно возгласил: «Первый звонок... скорый на Симбирск».

– Пал Палыч, счёт, – сказал Брагин.

– Простите ваше благородие... С раненых господ офицеров не приказано получать.

– Как так? – удивлённо спросил Брагин.

– А это, ваше благородие, вы уж с хозяином переговорите, – учтиво ответил Пал Палыч.

– А где хозяин?

– Артём Ильич за прилавком... вон там, – спокойно сказал Пал Палыч, рукой указывая на огромный буфет, где за прилавком на высоком круглом стуле, как монумент, возвышалась не в меру располневшая фигура буфетчика.

– Простите, Екатерина Максимилиановна, – приподнявшись со стула, сказал несколько возбуждённый Бра-

гин, направляясь в сторону буфета. Мисс Френч, простившись с Пал Палычем, последовала за ним.

– Могу я говорить с Артёмом Ильичом? – спросил Брагин.

– Мы-с будем... Чем могу служить?

– Артём Ильич, ... я очень тронут вашим великодушием, но я категорически настаиваю, чтобы вы получили с меня деньги за завтрак... Вы поставили меня в не совсем удобное положение перед дамой, – закончил Брагин, не заметив подошедшей мисс Френч. Артём Ильич низко опустил голову. Запльвшие нездоровым жиром руки покоились на прилавке, короткие пальцы нервно постукивали. Брагин думал, что сказанные им слова убедили взбалмошного буфетчика, и торопливо нащупывал в кармане бумажник. Артём Ильич поднял свою огромную голову и, смотря прямо в глаза Брагина, виновато начал:

– Я, господин офицер, не хотел обидеть ни вас, ни вашу даму... Вы с фронта?.. Ранены?.. А кого вы защищали?.. ...Артёма... толстого, с большим сердцем Артёма, он сам защитит себя не может... Артём воюет из Рузаевки... воюет, как умеет, от чистого сердца... русского сердца... Он низко склонил свою голову, тяжело дышал, видно было, что ему не хватает воздуха.

Брагин был подавлен словами Артёма, ему было стыдно, что он не понял порыва этого скромного русского человека, не почувствовал богатства его души. Он не знал, что ответить Артёму, но на выручку пришла мисс Френч.

– Артём Ильич, у вас есть шампанское? – весело спросила она, отрывая и Брагина и Артёма от их мыслей.

– Есть, сударыня...

– Дайте три бокала и шампанского...

Артём, с трудом передвигая своё грузное тело, принёс шампанское и, когда вино было налито, мисс Френч первая подняла бокал.

– За вас, Артём Ильич... За вашу... – обрусевшая ирландка остановилась, подыскивая правильное слово. – За вашу русскость, – закончила она, первая выпив бокал шампанского.

«Второй звонок... скорый на Симбирск».

Брагин заплатил за шампанское, может быть, навсегда простился с Артёмом Ильичом и вместе с мисс Френч заспешил на перрон. Стоявший в стороне Пал Палыч грустным взором провожал уходящих.

*Интерьер дома в Монивее (вверху).
Последние годы жизни Е.М. Перси-Френч в Харбине.
Фото из архива Уильяма Мюррея (Ирландия).*